

Алексей Феофилактович Писемский.

Уже отцветшие цветки* (Капитан Рухнев)

Книга: А.Ф.Писемский. Собр. соч. в 9 томах. Том 7
Издательство "Правда" биб-ка "Огонек", Москва, 1959
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 19 июля 2002 года

* Это ряд рассказов из жизни и типов 40-50-х годов. (Прим. автора.).

Содержание

I. КАПИТАН РУХНЕВ

I

КАПИТАН РУХНЕВ

Это было лет двадцать пять назад. Я служил чиновником особых поручений при м-м военном губернаторе. Однажды я получил от него повестку немедленно явиться к нему. Я поехал и застал губернатора в сильно раздраженном состоянии.

- Поезжайте сейчас в острог, - начал он сердитым голосом, - там содержится отставной капитан Рухнев, скажите ему от моего имени, что если он еще раз позволит себе шутки в сношениях с начальствующими лицами, так я посажу его в одиночное заключение!

И с этими словами губернатор подал мне данное капитаном Рухневым местному полицеймейстеру объяснение, которое было такого рода: "На предъявленное мне вашим высокородием взыскание имею честь объяснить, что оно взыскание я признаю вполне законным; но удовлетворить его затрудняюсь, потому что, как известно это и вашему высокородию, имею единственное только благоприобретенное состояние - 4-й номер в м-м тюремном замке, который, если ваше высокородие найдете это законным, предоставляю продать с аукциона для уплаты моего долга или предоставить оный и без торгов во владение г.кредитора, каковый номер он может занять, когда только пожелает!"

- Пугните его хорошенько и напомните ему, что я острог в службе не люблю! - заключил губернатор.

Я поехал. Мне давно хотелось посмотреть на Рухнева и побеседовать с ним. По слухам, он был человек умный, большой говорун и ни перед законом, ни перед своей совестью страха не ведавший. Караульный унтер-офицер провел меня к нему в номер. При входе моем Рухнев, окинув меня с некоторым удивлением глазами, вежливо поклонился мне. Я сказал ему свое звание и фамилию. На губах Рухнева пробежало что-то вроде усмешки. Я объяснил ему, в чем состояло мое поручение. Тут Рухнев явно уже усмехнулся и, пригласив меня сесть, сам тоже опустился на свое кресло. Видимо, что он пообжился и пообзавелся в своем номере: у него был письменный стол, на котором стояли чернильница, счеты, лежала засаленная колода карт, а около постели лежала огромная датская собака. Рухнев, заметив, что я осматриваю его номер, поспешил сказать:

- Я надеюсь, что вы нашему свирепому начальнику губернии не опишете подробно моего помещения: для заключенного в этом только и отрада!

- Нет, не опишу, - отвечал я.

Рухнев взял меня за руку и крепко пожал ее. По-видимому, ему было лет около сорока. Одежда на нем была не арестантская и состояла из нанкового